

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук
Винокурова Владимира Васильевича
на тему «Философские основания, генезис и типология
эзотерических учений Западной Европы (IV в. до н.э. – XXI в.)»

В последние десятилетия исследования западного эотеризма из маргинальной сферы превратились в уважаемую часть современного гуманитарного знания. Междисциплинарный характер проблематики, в рамках которой произошло оформление феномена эотеризма, позволяет сочетать при его изучении различные методологии и подходы, сформированные как в истории или антропологии, так и в культурологии или религиоведении. Но, несмотря на такой плюрализм, всеобъемлющих философских исследований, призванных концептуализировать основания эотеризма, до сих пор ни за рубежом, ни в нашем отечестве предпринято не было. Именно поэтому диссертация В.В. Винокурова, в которой ставится амбициозная цель «выявить философские основания, установить главные векторы становления и трансформации» (стр. 16) эзотерических учений за огромный период с IV в. до н.э. до современности, обладает несомненной новизной и актуальностью. Кажется очевидным, что накопленный за эти годы фактологический материал уже давно требовал серьезного философского анализа, и вот наконец работа такого плана появилась.

Несмотря на широкие хронологические рамки и широту поставленных задач, исследование В.В. Винокурова можно признать состоявшимся, а некоторые сделанные в нем выводы инновационными. Наибольший интерес представляет попытка автора концептуализировать всю историю эзотерических учений через герметизм, что нашло отражение во втором положении, вынесенном на защиту. Не секрет, что большинство адептов эзотерических учений возводит свои истоки к образу Гермеса и корпусу текстов, связанных с его именем. Первый эскиз исследования всего

поствозрожденческого эзотеризма через парадигму герметизма предложила еще Фрэнси Йейтс, но в диссертации В.В. Винокурова герметизм из локального древнего учения превращается в инструментальную исследовательскую концепцию, когда три образа Гермеса отображают одновременно и трехуровневую модель познания, и три гносеологических парадигмы, на которых строится эзотерическое мировоззрение. Весь текст диссертации призван поэтапно подтвердить эту схему на эмпирическом материале. Автор тщательно с привлечением огромного числа источников показывает, как три выявленных им парадигмы (мифолого-теологическая; философско-математическая; эмпирико-технологическая) сосуществовали в истории эзотеризма. Такое оригинальное использование Гермеса (как исследовательской метафоры) помогает охватить различные формы эзотеризма – от лабораторной алхимической работы и математических построений до имагинативных практик и мифологических сюжетов.

Изысканным ходом в исследовании стал анализ эзотерического дискурса через соотношение истории и мифа. Автор убедительно доказывает, что основным типом дискурса в эзотерических текстах является легенда. Концепция легенды позволяет сочетать не только аисторичные мифологические построения, зачастую связанные с легитимизацией эзотерических учений, но и неотъемлемое от них имагинативное измерение. Хорошо известно, что ритуальные, мистериальные, культовые практики в эзотеризме всегда строились на работе с воображением, но специального философского анализа этот аспект до сих пор не получал. Зачастую имагинативное измерение эзотеризма рассматривалось в психологическом ключе, а религиоведы и философы обращались к нему как к удобному механизму редукции специфики эзотеризма к сомнительным субъективным переживаниям. Предложенный В.В. Винокуровым концепт легенды, позволяет эвристически переосмыслить структуру организации эзотерического комплекса и по-новому поставить вопрос об эпистемологическом статусе эзотерического знания.

Значительное место в диссертации занимает авторская реконструкция истории алхимии, В.В. Винокуров предлагает оригинальную интерпретацию сути этой противоречивой практики. Любопытно, что, работая с алхимией, диссертант сочетает религиозоведческие, философские и естественно-научные концепции, таким образом ему удается построить многомерную теорию, учитывающую сложность и неоднозначность феномена. Из-за того, что алхимии в диссертации отведено много места, складывается ощущение диспропорциональности рассматриваемых проблем, но это вполне оправдано, так как ее специфика способствует наглядному применению основных авторских находок: анализ эзотерического дискурса через концепт легенды и выявление в эзотеризме трехуровневой структуры познания. По этой же причине частный для всей истории эзотеризма сюжет с алхимико-магическими экспериментами Джона Ди и Эдварда Кели занимает почти две главы, ведь для приложения авторской концепции и иллюстрации ее эвристичности он по праву является одним из самых показательных.

Интерес вызывают оригинальные авторские интерпретации терминов (эзотерика, оккультизм) и эзотерических учений (например, астрологии), содержательны анализ и критика юнгианского подхода к пониманию сути эзотеризма, удачен критический разбор трансформации традиционных элементов эзотерического комплекса в XIX-XX веках. Объем проанализированного в диссертации материала и привлеченных источников впечатляет и дает основания утверждать, что ее результаты серьезно фундированы, а вынесенные на защиту положения достоверны.

Поскольку замысел работы как в силу ее хронологических рамок, так и в силу сложности поставленных проблем амбициозен, то в ходе его реализации неизбежными являются недоработки, на основные из которых укажем далее. Удобнее всего будет выделить два блока.

В первом блоке остановимся на некоторых концептуальных лакунах, связанных прежде всего с тем, что автором не была привлечена значимая литература по отдельным изучаемым вопросам. Понятно, что для

диссертации такого объема, где критически проработано более тысячи источников, тяжело требовать расширения литературной базы. Из текста видно, что диссертант использует все основные отечественные исследования по теме и ориентируется на ключевые западные труды, но при этом отсутствует разбор ряда современных специальных исследований. Знание о нетривиальных идеях зарубежных коллег обогатило бы текст и могло дать автору новую почву для теоретической рефлексии.

Во-первых, поскольку немалую часть диссертации занимает вопрос о месте и роли алхимии, то стоило привлечь труды новой историографии, представленные в первую очередь исследованиями Л. Принчипе (*Principe L. Alchemy Tried in the Fire: Starkey, Boyle, and the Fate of Helmontian Chymistry. University of Chicago Press, 2002; The Secrets of Alchemy. University of Chicago Press, 2013*). Согласно Принчипе, алхимия – плоть от плоти естественных наук, а все духовные и психологические интерпретации были вчитаны в нее на определенном историческом этапе, т.е. алхимия на протяжении столетий была спагирическим действием, а не «совершенствованием души» (стр. 152), как предлагает ее рассматривать диссертант. Понятно, что с идеями новой историографии можно спорить, кстати, В.В. Винокуров не раз имплицитно и делает это (например, когда размышляет о сути алхимического искусства на стр. 267), но лучше, если критический анализ такой влиятельной концепции был бы представлен в диссертации эксплицитно. Кроме того, в 2017 году в университете Амстердама на кафедре «Герметической философии и связанных с ней течений» была защищена диссертация Майка Зубера «Духовная алхимия: от Якоба Бёме до Мэри Этвуд» (ее результаты легли в основу монографии: *Zuber M. Spiritual Alchemy: From Jacob Boehme to Mary Anne Atwood. Oxford University Press, 2021*), выводы автора не бесспорны, но в им дан детальный анализ становления представлений о духовной алхимии как ограниченного историческими рамками феномена Нового времени. Кроме того, Зубер убедительно показывает, что система мысли духовной алхимии вовсе не замкнутый надысторический универсум, а

сформировавшееся под решающим влиянием мистического христианства Бёме явление.

Во-вторых, важное место в диссертации занимает вопрос соотношения научного и эзотерического дискурсов, особое значение он обретает при рассмотрении ситуации XIX-XX веков. В связи с этим не лишним было бы привлечение трудов Игила Аспрема, ведущего специалиста по проблемам связи эзотеризма и науки в XIX и XX веках (в первую очередь: *Asprem E. The Problem of Disenchantment: Scientific Naturalism and Esoteric Discourse, 1900-1939*. Brill, 2014). В своей защищенной в 2014 году диссертации и серии связанных с ней публикаций Аспрем затрагивает те же вопросы, что и диссертант, но отвечает на них иначе. Более раннюю работу Аспрем посвятил проблеме научности енохианской магии (*Asprem E. Arguing with Angels: Enochian Magic and Modern Occulture*. SUNY Press, 2013), где подробно проанализировал соработничество Эдварда Келли и Джона Ди, этой же теме посвящена и вся четвертая глава защищаемой диссертации.

В-третьих, диссертант справедливо замечает, что «понятия “эзотеризм”, “герметизм”, “оккультизм” есть философские термины. Они обозначают концепции, которые возникли в результате исследований...» (стр. 53), и дает содержательный анализ их становления. Идеи автора согласуются с принятым взглядом на развитие рассматриваемых концепций, но не лишним было бы учесть появившиеся в последние десять лет труды Юлиана Штрубе (в первую очередь: *Strube J. Sozialismus, Katholizismus und Okkultismus im Frankreich des 19. Jahrhunderts*. De Gruyter, 2016). Штрубе убедительно доказывает, что «эзотерика» и «оккультизм» как термины для обозначения всех учений сферы маргинальной религиозности впервые начали употребляться в середине XIX века в среде французских социалистов, которые, полемизируя с новоявленной теософией Е. Блаватской, маркировали ее как «эзотерику», свои же учения, возводимые к западным, а не восточным, как у Блаватской, корням, они стали именовать «оккультизмом».

В-четвертых, поскольку немалое место в первой и третьей главах диссертации отводится феномену гримуаров, то не лишним было бы привлечение классического исследования Оуэна Девиса (*Davies O. Grimoires: A History of Magic Books. Oxford University Press, 2009*), его идеи могли бы существенно обогатить соответствующие разделы текста.

Во втором блоке хотелось бы высказать соображения по поводу некоторых положений диссертации и задать вопросы.

В первой главе В.В. Винокуров утверждает, что «проявляя интерес к своим истокам, эзотерическая традиция создает основную легенду - легенду об “утраченной книге”» (стр. 39). Тяжело поспорить с тем, что легенда об утраченной книге, которую диссертант связывает с именами Гермеса и Тота, играет в эзотеризме одну из определяющих ролей, но, как кажется, эта легенда не так проста, ведь у книги всегда есть автор (не зря произошедшее от Гермеса учение именуется «герметизмом»). А если так, то не является ли первичной легенда о тайном учителе, авторе книги? Если объединить вопрос о тайном учителе и тайном тексте, то получается, что основной для эзотеризма является легенда о скрытом, но не утраченном источнике знания, к которому чудесным образом обретается доступ (например, основополагающий для множества эзотерических учений миф – история об ордене розенкрейцеров). Все эзотерики искали легитимности своего учения в том, что некие тайные силы, адепты, посвященные мудрецы наделили их знанием и властью, такое наделение действительно могло сообщаться через текст, но им не ограничивалось.

В первой главе исследования В.В. Винокуров делает значимое для всего текста утверждение: «...первоначально и несистематизированно основа эзотерических нарративов и дискурсов дана в опыте спонтанных видений и сновидений, в активном и пассивном воображении, в практиках истолкования их содержания, позже она воспроизводится в опыте мистерий» (стр. 30). В связи с этим возникает вопрос: как можно (и можно ли вообще) доказать, что воображение предшествовало практике мистериальных

действий, а не наоборот, мистерии создавали эмоционально-психологическую атмосферу, которая провоцировала воображение на создание ярких образов, позднее воспроизводившихся в новых мифах?

Немалое место в диссертации отведено концепциям Юнга и его последователей. Текст показывает, что автор выстроил сложную систему рефлексивной интерпретации юнгианства, корректирующую отдельные идеи Юнга, высвечивающую его проблемные и ошибочные положения, но в диссертации встречаются утверждения, которые требуют прояснения. Например, в первой главе автор пишет: анализируемый момент «сближает эзотерическую технику толкования сновидений с юнгианским анализом, использующим наряду с ассоциациями амплификации мифов» (стр. 34). Из такого утверждения складывается ощущение, что Юнг формировал свою глубинную психологию независимо от существовавших в его время эзотерических учений, хотя есть данные, что именно Юнг ввел эзотерические идеи в психологию (подробно это разбирал В. Ханegraафф). Т.е. систему Юнга нельзя рассматривать как отдельную от эзотерических учений и внешнюю по отношению к ним. Следовательно, интерпретации Юнгом алхимии и гностицизма возникли в диалоге с современным ему эзотеризмом и под его определяющим влиянием. В связи с этим хотелось бы понять, как диссертант разводит юнгианский психоанализ и эзотерические учения.

В заключении работы, характеризуя современное состояние развития магии, автор замечает: «в конце XIX - начале XX веков в эзотерических орденах и школах произошла регрессия исследований и практик в архаику магии и традиционной культуры, которая изменила вектор развития всего эзотерического комплекса» (стр. 397). В связи с этим возникает вопрос: а можно ли те практики, которые сегодня именуются магическими, сопоставлять с магией эпохи Возрождения или архаическими магическими практиками? Не происходит ли в XIX веке изобретения магической традиции?

Общим местом традиционной историографии эзотеризма, восходящей еще к трудам Ф. Йейтс, стала мысль о том, что эпоха Возрождения была точкой формирования уникального комплекса западного эзотеризма. В диссертации эпохе Возрождения особой роли не отводится, а причины этого шага не проясняются, поэтому хотелось бы узнать об отношении диссертанта к концепции Йейтс-Ханеграафа о формировании эзотерического комплекса в Возрождении. Не ясно, почему в разделе об эзотеризме эпохи Возрождения ничего не говорится о таких признанных его выразителях, как Марсилио Фичино, Пико делла Мирандолла и Джордано Бруно, хотя они считаются эзотериками-классиками.

Не совсем понятно утверждение автора, что «общими источниками эзотерических учений XIX века являются труды Станисласа де Гуайта, Сент – Ив Д' Альвадейра, Элифаса Леви, Франсуа Жолливе-Кастело, Уильяма Баттлера Йетса» (стр. 50). В каком смысле «общими источниками»? Это локальные авторы, выражавшие взгляды определенных эзотерических групп, и вряд ли можно обосновать, что все эзотерики рассматриваемого периода опирались на труды указанных лиц. Из названных это, пожалуй, справедливо, и то с оговорками, лишь в отношении одного Элифаса Леви.

В некоторых местах вызывает вопросы авторитетность исследовательских концепций, привлекаемых диссертантом. В первую очередь это касается анализа герметизма, проведенного секретарем Блаватской и выдающимся теософом Джорджем Робертом Стоу Мидом. Как кажется, использование концепций выразителей эзотерического мировоззрения в качестве легитимных с точки зрения строгой науки требует пояснений.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.7.9 – «Философия религии и религиоведение» (по

философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Винокуров Владимир Васильевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.9 – «Философия религии и религиоведение».

Официальный оппонент:

доктор философских наук,

ПРОФЕССОР Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего

профессионального образования «Национальный исследовательский университет –

Высшая школа экономики»

НОСАЧЕВ Павел Георгиевич

12.12.2022

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 772-95-90 *22161, e-mail: fgn@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.14 - Философия религии и религиоведение.

Адрес места работы:

105066, г. Москва, Старая Басманная, 21/4.

«Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики»,

факультет гуманитарных наук, Школа философии и культурологии

Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22161; e-mail: fgn@hse.ru

Подпись завершено
СПЕЦИАЛИСТ ПО ПЕРСОНАЛУ

УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
ПРОКОПЕНКО А. И.

